

**Андалусская строфическая поэзия:
особый случай межъязыкового взаимодействия
в средневековой Европе?**

А. Б. Куделин

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РАН, МОСКВА

Аннотация. На примере арабо-романской гибридной строфической формы рассматриваются особенности существования смешанных поэтических систем в условиях многоязычия. В средневековой Испании сложилась благоприятная языковая обстановка, обеспечивающая контакты христианского и мусульманского миров. Ситуация многоязычия формировалась двумя литературными языками – классическим арабским и классической латынью, двумя народными языками – арабским и вульгарной латынью, а также берберским и еврейским языками. В средневековой форме мувашшах, популярной на Пиренейском полуострове, основная часть писалась на классическом арабском, а харджа (концовка) писалась либо на диалекте арабского с использованием намеренно простонародной лексики, либо чаще всего на романских языках, причем романский стих записывался с помощью арабской или еврейской графики. Тем самым в одном произведении создавалась ситуация би- или трилингвизма. Именно многоязычие рассматривается как отличительная черта поэтики мувашшаха. Художественный эффект обеспечивался столкновением разных поэтиче-

Куделин А. Б. Андалусская строфическая поэзия: особый случай межъязыкового взаимодействия в средневековой Европе? // Критика и семиотика. 2015. № 1. С. 171–181.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2015. № 1
© А. Б. Куделин, 2015

ских традиций, а также столкновением языков. Создается гетерогенная система, отвечающая запросам многоязычной аудитории. Мультилингвизм мувашшаха можно также рассматривать в контексте интереса в средневековой Европе к полилингвистическим формам.

Ключевые слова: многоязычие, харджа, испанская поэзия, арабская поэзия, мувашшах.

УДК 821

Контактная информация: Куделин Александр Борисович, академик РАН, директор ИМЛИ РАН (ул. Поварская, 25а, Москва, 121069, info@imli.ru)

Мусульманское вторжение на Пиренейский полуостров в начале VIII в. положило начало длительной эпохе широких и плодотворных контактов христианского и мусульманского миров в самых разнообразных областях, в том числе и в сфере литературы. Бесспорным и общепризнанным фактом является, например, воздействие восточной дидактической прозы на средневековую европейскую литературу, одним из направлений проникновения которого был Пиренейский полуостров.

Одним из решающих факторов, способствовавших установлению контактов в сфере литературы, была благоприятная для подобных контактов языковая обстановка в эпоху восьмивекового мусульманского присутствия на Пиренейском полуострове. Скажем о ней несколько слов.

В 1912 г. выдающийся испанский ученый Х. Рибера отмечал, что «в мусульманской Испании существовали параллельно два литературных языка – классический арабский и классический латинский, и два народных – арабский народный и вульгарная латынь, или зарождавшийся романский». Сфера применения этих языков, согласно Х. Рибере, определялась различными факторами. Латинский, как язык религии, культивировался в кругах духовенства и ученых. Арабский литературный (классический) язык имел статус государственного языка и использовался административным аппаратом, в школе и в литературе; он не являлся исключительным достоянием мусульман, им пользовались и андалусские христиане¹. В свою очередь, арабский народный язык (разговорный диа-

---

¹ В IX в. на это даже жаловался епископ Альваро Кордовский: «Многие из моих единоверцев читают стихи и сказки арабов, изучают сочинения мусульманских философов и богословов не для того, чтобы их опровергать, а чтобы научиться как следует выражаться на арабском языке с большей правильностью и изяществом. Где теперь найдется хоть один, кто умел бы читать латинские комментарии на священное писание? Кто среди них изучает евангелия, пророков и апостолов? Увы! Все христианские юноши, которые выделяются своими способностями, зна-

лект) и вульгарная латынь (романский диалект) были языками, которыми в повседневной жизни одинаково пользовались и христиане, и мусульмане Андалусии².

К указанным Х. Риберой языкам следует добавить берберский (напомним, что в мусульманской армии, высадившейся на Пиренейский полуостров, большинство составляли, не арабы, а берберы³) и еврейский. Сфера первого из них (бесписьменного) не выходила за пределы устного общения, хотя говорить о том, что он не оставил следа в культуре Пиренейского полуострова было бы слишком смело. Еврейский язык имел распространение в основном в городах и широко использовался в устном общении и в литературном (главным образом в поэтическом) творчестве⁴.

Таким образом, можно констатировать, что на Пиренейском полуострове в VIII–XV вв. распространение имели следующие языки: арабский классический, арабский народный, латынь, вульгарная латынь (*романсе*), берберский, еврейский. Важно также отметить, что знание нескольких языков не было привилегией узкого круга ученого сословия: значительная часть андалусского населения владела по меньшей мере двумя-тремя языками.

Длительное сосуществование разных языков и разных литературных традиций Востока и Запада создало благоприятные условия для возникновения на Пиренейском полуострове «смешанных поэтических систем»

ют только язык и литературу арабов, читают и ревностно изучают арабские книги, тратят громадные суммы, чтобы составить себе большие библиотеки, и во весь голос провозглашают, какого удивления достойна эта литература. Если им говорить о христианских книгах, они с презрением отвечают, что эти книги не заслуживают никакого внимания. О горе! Христиане даже забыли свой язык, и едва ли найдется один на тысячу, который сумел бы написать приятелю сносное латинское письмо. Наоборот, бесчисленны те, которые умеют выражаться по-арабски в высшей степени изящно и сочиняют стихи на этом языке с большей красотой и искусством, чем сами арабы» (цит. по: [Крачковский, 1937, с. 11–12]). Через век для христиан, забывших свой родной язык, пришлось переводить Евангелие на арабский язык [Там же, с. 12].

² Позиция Х. Риберы излагается по: [Крачковский, 1958, с. 314–315] и др.

³ Подробнее см.: [Крачковский, 1937, с. 9] и др.

⁴ И. Ю. Крачковский, в частности, пишет: «Положение евреев в арабскую эпоху было несравненно лучше, чем при вестготах, особенно в последнее время. Жили они преимущественно в городах, составляя иногда довольно значительную часть населения. Даже Гранаду одно время, после омейядов, называли еврейским городом. Один городок Лусена (между Кордовой и Малагой) был населен почти исключительно ими. Географ XII в. (аль-Идриси) пишет о нем: «Евреи живут здесь в центре города и не пускают там селиться мусульман. Вообще в Андалусии они богаче, чем где бы то ни было в мусульманских странах» [Там же, с. 10–11]. Другие подробности о положении евреев на Пиренейском полуострове в эпоху мусульманского владычества см.: [Там же, с. 11] и др.; о еврейской андалусской поэзии подробнее см.: [Schippers, 1994].

(определение Х. Риберы), которые отвечали запросам многоязычной аудитории.

Образец такой системы Х. Рибера видит в строфических поэмах (*заджалах*) известного андалусского автора Ибн Кузмана (ок. 1080–1160). Ученый отмечает переплетение двух языков (арабского и романского) в его поэзии; не менее важны и отличия его стихотворений от арабской классики, проявляющиеся в метрике, системе рифмовки, строфике, тематике. Анализ творчества Ибн Кузмана позволяет Х. Рибере сделать вывод о гибридности *заджалной* формы, что в свою очередь предполагает существование древней португальской лирики (до нас не дошедшей), влиянием которой объясняется происхождение неарабских элементов в *заджалах* Ибн Кузмана. Контакт арабской классической поэзии с древнейшей романской поэзией с преимущественным влиянием последней на первую привел к возникновению смешанной «арабо-романской» поэтической системы⁵.

Интерес к гипотезе Х. Риберы особенно возрос в связи с важными открытиями, касающимися андалусской строфической поэмы, так называемого *мувашишаха*. Начиная с 1948 г. известный ученый С. М. Штерн опубликовал целый ряд стихов на романском языке, которые он обнаружил в *мувашишахах* вначале на древнееврейском, а затем и на арабском языках⁶. Открытие С. М. Штерна подтвердило догадку Х. Риберы о том, что на Пиренейском полуострове в эпоху мусульманского господства существовала лирическая поэзия на романском языке, а также стало одним из самых весомых доказательств верности тезиса о гибридном характере андалусской строфической поэзии.

Открытия конца 40-х гг. заставили ученый мир обратить особое внимание на *мувашишахи*, заключительная часть которых (*харджа*) написана на романском языке. Благодаря объединенным усилиям гебраистов, арабистов и романистов разыскано и дешифровано около 70 *хардж* на романском языке⁷. К настоящему моменту литература, посвященная романским *харджам*, превышает три сотни названий⁸. Большое место в исследованиях на эту тему занимают вопросы поэтики *харджи*, ее значения для подтверждения гипотезы о гибридном характере андалусской строфики. Эти вопросы и будут рассматриваться ниже.

⁵ Подробное изложение гипотезы Х. Риберы см. в: [Крачковский, 1958, с. 313–314].

⁶ Подробнее см.: [Stern, 1948, p. 300–346].

⁷ 42 *харджи* в *мувашишахах* на арабском и 26 *хардж* в *мувашишахах* на древнееврейском языках (с вариантами – более 70). Результаты исследований собраны вместе и систематизированы в книгах: [Borello, 1959; Heger, 1960; Solà-Solé, 1973; Jones, 1988; Corriente, 1997].

⁸ Сошлемся здесь на критико-библиографические труды: [Hitchcock, 1977; Hitchcock R., López-Morillas, 1996].

По свидетельству андалусского филолога Ибн Бассама (ум. в 1147 г.), изобретатель *мувашиаха*, живший, очевидно, во второй половине IX – начале X в., «брал простонародные и неарабские слова, называл их *марказ* (= *харджа*) и строил на нем *мувашиах*» [Ibn Bassām, 1942, p. 2]. Таким образом, можно предполагать, что с самого своего зарождения *харджа* писалась либо на диалекте арабского языка, либо на романском языке. В Андалусии *харджи* на романском языке включались в *мувашиахи* на протяжении длительного времени, во всяком случае они отмечаются в произведениях, написанных и в начале XIV в., т. е. по меньшей мере на протяжении 350 лет⁹.

С обнаружением *хардж* на *романсе* встал вопрос о назначении данного элемента *мувашиаха*. Нам бы хотелось прежде всего обратить внимание на эффект многоязычия этой строфической формы как одного из основных элементов поэтики андалусского *мувашиаха*¹⁰.

Попытаемся первоначально хотя бы частично реконструировать черты романской традиции, отразившейся в конечных строках арабских *мувашиахов*.

Дешифрованные *харджи* не отличаются большим разнообразием тем. Как правило, это жалобы девушки на жестокосердие милого, на мучительную разлуку с ним, с которыми она обращается либо к матери, либо к своим подругам. В этих строках ученые без труда устанавливают черты сходства с народными песнями Испании и других романских стран. Приведем для иллюстрации несколько примеров¹¹.

1. *Харджа* из арабского *мувашиаха* Мухаммада ибн ‘Убада, получившего известность в начале XI в.:

(I) >fn sīdī ‘brāhīm | yā nwāmin dalji | fānta myb | ḍy nxti | ‘n šnwn kārs̄ |
f(b)yrym tyb | ḡrmy ‘wb | lqrti<.

⁹ Здесь следует заметить, что *мувашиахи* с *харджами* на *романсе* составляют незначительную часть от общего числа дошедших до нас андалусских арабских *мувашиахов* (около 8 % приблизительно из 600 произведений [Jones, 1988, p. 11]).

¹⁰ Этот вопрос, впервые рассматривавшийся нами в работе, опубликованной в 1974 г. [Куделин, 1974], затрагивается в других аспектах в фундаментальном исследовании, посвященном *хардже*: [Zwartjes, 1997, p. 253–287].

¹¹ Представленные ниже тексты основываются на изданиях: [Corriente, 1997; Jones, 1988]. Исследователи подчеркивают сложность процесса дешифровки (не будем забывать, что романские *харджи* в андалусских *мувашиахах* передаются с помощью арабской и еврейской графики) и не настаивают на окончательном характере предлагаемых ими реконструкций и интерпретаций (см., в частности: [Jones, 1988, p. 18]).

(II) /VÉN sídi ibráhim| ya+ NWÉMNE DÓLČE| VÉNT+ A(D)MÍB| DE NÓXTE| O NÓN SÍ NON KÉRES| VIRÉM+ A(D)TÍB| GARRÉ(D)ME ÓB| liqáRTE/

«Приди, мой господин Ибрахим, | о нежное имя, | приди ко мне | ночью; | или нет, если ты не желаешь, | я приду к тебе, | скажи мне, где | тебя встретить.»¹²

2. Харджа из еврейского мувашиаха Авраама бен Эзра:

(I) >g'r kfr' | km bbryw | 'št 'lḥbyb 'šb'r | bwry lmr dyw<.

(II) /GÁR KÉ FARÉYO | KÓMO BIBRÉYO | EŠT+ alḥabíb Á(S) ŠABÉR | POR ÉL MORRÉYO/

«Скажи, что мне делать, | как жить? | Любимый мой пусть знает: | Умру за него.»¹³

3. Харджа из мувашиаха анонимного арабского поэта:

(I) >ḡār kn lbry ḏā 'lḡybat nwn tnt | yā walnyš ḏā 'l'sq šnt<.

(II) /GÁR KÁN LEBARÉY D+ alḡábyba NO+ NTÁNTO | ya wáy AŠ DE al'ášiqa SÍ NÓN TU/

«Скажи, как долго я буду переносить твое отсутствие: | “Как велико горе влюбленной, когда нет тебя!”»¹⁴

4. Харджа из мувашиаха анонимного арабского поэта:

(I) >'mān yā ḥabyb 'lwḥšu mnfrāš bwn bāḥ mā bkālḥ lwšk tnyrāš<.

(II) /amánE ya ḥabíbi| alwáḥša ME+ N FARÁŠ | BÓN BÉJA MA BOKÉLLA | liwaška NON T+ IRÁŠ/

«Пощади, милый, | тревога измучила меня! | Красавец, поцелуй меня в уста, | быстро ты не уйдешь.»¹⁵

5. Харджа из еврейского мувашиаха Иехуды Халеви:

(I) >g'r šwš dbynh 'dbynš b'lḥq g'rm knđ mbrn'd mw ḥbyby 'šḥq<.

¹² Римской цифрой (I) обозначается транслитерация романских *хардж* из арабских – литера (A) и еврейских – литера (E) *мувашиахов* (по принятой в научной литературе нумерации *хардж*); цифрой (II) – их транскрипция, в которой прописными буквами передаются романские, а строчными – арабские элементы *харджи*. Русские переводы основываются на интерпретациях, предложенных в книге Ф. Коррьенте. *Харджа* A1 [Corriente, 1997, p. 270–271] (ср.: [Jones, 1988, p. 27–34]).

¹³ *Харджа* E15 [Corriente, 1997, p. 317–318].

¹⁴ *Харджа* A2 [Corriente, 1997, p. 271–272] (ср.: [Jones, 1988, p. 35–40]).

¹⁵ *Харджа* A25 [Corriente, 1997, p. 293–294] (ср.: [Jones, 1988, p. 186–190]).

(II) /GÁR ŚI YĒŚ DIBÍNA | E(D) DIBÍNAŚ balḥaq | GÁRME KÁNDŌ+ M
BERNÁD | MEW ḥabībī ishāq/

«Скажи, если ты гадалка, | и гадаешь правильно, | скажи мне, когда
ко мне придет | мой возлюбленный Исхак.»¹⁶

Отличия арабской классической *газели* от романской лирики, отраженной в *харджсах*, весьма существенны и отмечаются как европейскими, так и арабскими исследователями¹⁷. Если романская лирика, отраженная в *харджсах*, – это почти всегда обращение девушки к матери, подругам с жалобой на неразделенную любовь и т. п. – «женский лиризм», по определению Э. Гарсиа Гомеса, то арабская *газель* – это «мужской лиризм», описание переживаний влюбленного, описание окружающего мира через эти переживания.

Итак, очевидно, что романская традиция существенно отличается от арабской при сравнении их друг с другом, так сказать, в «чистом виде». Отличия становятся явственнее, когда обе традиции встречаются в одном произведении, иными словами, в *мувашишах*, развивающем тему арабской классической *газели*, с *харджей* на романском языке. Разумеется, и сам автор, и его слушатели ощущали разницу двух традиций, лежащих в основе произведения, его изначальное двуединство, двуплановость. Следовательно, можно предположить, что и автор, и слушатели или читатели находили определенный интерес в такой двуплановости *мувашишах*.

Языковое различие между *харджей* и предшествующими строками *мувашишах* выступало очень рельефно и, вероятно, играло особую роль.

Рассмотрим под этим углом зрения некоторые положения трактата египетского теоретика *мувашишах* Ибн Сана' ал-Мулка (1155–1211), относящиеся к *хардже*. Приведем их в том порядке, в каком они изложены в оригинале: *харджа* – это последние строки *мувашишах*; она должна сочиняться не на классическом, а на «простонародном языке и жаргоне черни»; если *харджа* написана на классическом языке с соблюдением грамматических правил, как предшествующие ей строки *мувашишах*, то «*мувашишах* перестает быть *мувашишахом*»; переход к *хардже* должен быть резким; слова *харджи* должны быть прямой речью, которую произносит «одушевленное или неодушевленное существо»; «в строке, предшествующей *хардже*, обязательно должны быть слова: “он сказал”, или “я сказал”, или “она сказала”, или “он пропел”, или “я пропел”, или “она пропела”»; «*харджа* может быть сочинена на неарабском (*'аджами*) языке

¹⁶ *Харджа* E2 [Corriente, 1997, p. 309].

¹⁷ А. А. ал-Ахвани, изучавший этот вопрос, настаивает на том, что романские *харджи* не имеют соответствий в классике арабов [al-Ahwanī, 1957, p. 18]. Э. Гарсиа Гомес, Р. Менендес Пидаль и другие европейские ученые указывают на близость романской *харджи* к испанским «песням о милом», имеющим народное происхождение.

с условием, что ее слова на этом неарабском языке будут также... жгучими»; «*харджа* – это... соль *мувашиша*... Она – завершение, и оно должно быть достохвальным; и она венец, но и начало, хотя и является последней. Я говорю “начало”, потому что к ней прежде всего должна обратиться мысль [поэта], и автор *мувашиша* сочиняет ее вначале, прежде чем он свяжет себя метром или рифмой»; «среди поздних авторов имеются такие, которые не способны сочинить *харджу*, и они берут *харджу* другого [поэта]. И их мнение вернее мнения тех, кто не достигает цели своей *харджей*, [ибо] сочиняет ее в соответствии с правилами грамматики и строит из себя умника, не прибегает к простонародному языку, чтобы быть приятным и живым, но становится докучливым» [Ibn Sanā' al-Mulk, 1949, p. 30–33].

Обратим здесь особое внимание на одно из положений. Ибн Сана' ал-Мулк настойчиво повторяет мысль о том, что *харджа* должна отличаться от предшествующих ей строк *мувашиша* прежде всего языком – простонародным или «неарабским». Итак, устанавливается одно из основных правил поэтики *мувашиша* – обязательность перехода с одного языка на другой. Переход должен быть резким, а не постепенным; грань перехода совершенно четко обозначается специальными словами, дающими сигнал о переключении на прямую речь и другой язык. Исключения из этого правила допустимы только в строго определенных случаях.

Главным в *мувашише* является умелая игра контрастным соположением двух частей на разных языках (арабский классический, арабский народный, *'аджами*), она-то и будет оценена прежде всего. Ибн Сана' ал-Мулк рекомендует авторам, «неспособным сочинить *харджу*», брать ее у других поэтов; так лучше, чем написать *мувашиш* с плохой *харджей*.

Итак, конститутивным элементом поэтики *мувашиша*, по трактату Ибн Сана' ал-Мулка, является контрастное соположение *харджи* с предшествующими ей строками *мувашиша*, что позволяет охарактеризовать его как гетерогенную систему. Конкретное содержание этого элемента в зависимости от места и времени написания произведения и ряда других обстоятельств может быть разным, однако функция этого элемента остается неизменной на всем протяжении истории *мувашиша*.

Важнейшей характеристикой андалусского *мувашиша* как гетерогенной системы является трилингвизм: переключение по определенному сигналу с арабского классического на романский язык или арабский андалусский диалект, фактически же переключение с одной поэтической традиции на другую. Очевидно, в этом трилингвизме и состояла прелесть *мувашиша* для населения Андалусии, знакомого с обеими поэтическими традициями.

Здесь же будет нелишним напомнить об интересе средневековой Европы к использованию плюрилингвизма в качестве художественного прие-

ма¹⁸. Думается, что мультилингвизм *мувашишаха* следовало бы рассматривать в этом контексте. Поэтическое языковое мышление Европы могло оказать влияние на арабскую средневековую классику, приведшее к созданию мультилингвистической системы *мувашишаха*.

Список литературы

- Крачковский И. Ю.* Арабская культура в Испании. М.; Л., 1937.
- Крачковский И. Ю.* Полвека испанской арабистики // Крачковский И. Ю. Избр. соч. М.; Л., 1958. Т. 5.
- Куделин А. Б.* Арабо-испанская строфика как «смешанная поэтическая система»: гипотеза Х. Риберы в свете последних открытий // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974.
- al-Ahwanî 'A.* Az-Zagal fî al-Andalus. Le Caire, 1957.
- Borello R. A.* Jaryas andalusíes. Bahía Blanca, 1959.
- Corriente F.* Poesía dialectal árabe y romance en Alandalús. Madrid, 1997.
- Elwert W. Th.* L'emploi de langues étrangères comme procédé stylistique // Revue de littérature compare. 1960. Т. 34. № 3. P. 409–437.
- Jones A.* Romance Kharjas in Andalusian Arabic Muwaššah Poetry. A Palaeographical Analysis. Oxford, 1988.
- Heger K.* Die bisher veröffentlichten Ḥarġas und ihre Deutungen. Tübingen, 1960.
- Hitchcock R.* The Kharjas: A Critical Bibliography. London, 1977.
- Hitchcock R., López-Morillas C.* The Kharjas: A Critical Bibliography. Supplement No. 1. London, 1996.
- Ibn Bassām.* Kitāb az-zahīra fî maḥāsin ahl al-ġazīra. Le Caire, 1942. Т. 1, f. 2.
- Ibn Sanā' al-Mulk.* Dār aṭ-ṭirāz. Damascus, 1949.
- Schippers A.* Spanish Hebrew Poetry and the Arabic Literary Tradition. Arabic Themes in Hebrew Andalusian Poetry. Leiden; N. Y.; Köln, 1994.
- Solà-Solé J. M.* Corpus de poesia mozárabe (las ḥarġas andalusíes). Barcelona, 1973.
- Stern S. M.* Les vers finaux en espagnol dans les muwaššahs hispano-hébraïques // Al-Andalus. 1948. Vol. 13. F. 2. P. 300–346.
- Zwartjes O.* Love Songs from al-Andalus. History, Structure and Meaning of the Kharja. Leiden, 1997.

---

¹⁸ Этот интерес имеет давнюю традицию: плюрилингвизм отмечен, например, в древнегреческой и римской литературе (см.: [Elwert, 1960, p. 409–437]).

Article metadata

Title: Andalusian Strophic Poetry: A Singular Case of Interlinguistic Contacts in Medieval Europe?

Author: A. B. Kudelin

Author's e-mail: info@imli.ru

Author affiliation: Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences.

Abstract: In the article the peculiarities of mixed poetical systems in multilingual environment are studied, the hybrid arabo-romanic strophic form is analyzed as an example. In Medieval Spain, there existed favorable linguistic circumstances for contacts between Cristian and Islamic worlds. The situation of multilingualism was formed by two literary languages (classic Arabian and classic Latin) and by two vernaculars (Arabian and Vulgar Latin) as well as Berber and Hebrew. Muwashshah is medieval poetic form popular in Iberian Peninsula, its main part is written in classic Arabian and kharja is written in an Arabian dialect using colloquial words or in romance vernacular, in the latter case verse in romance was written using Arabian or Hebrew letters. Thus, the situation of bi- or trilingualism was created in one poem. The multilingualism is considered the main feature of poetics of muwashshah. The aesthetical effect is related to the collision of different poetic traditions and to the collision of languages. The heterogeneous situation adequate to the expectations of multilingual readers is created. Multilingualism of muwashshah can be also analyzed in the context of interest in Medieval Europe to the multilingual forms.

Key terms: multilingualism, kharja, Spanish poetry, Arabian poetry, muwashshah.

Reference literature (in transliteration):

al-Ahwani 'A. Az-Zagal fi al-Andalus. Le Caire, 1957.

Borello R. A. Jaryas andalusies. Bahía Blanca, 1959.

Corriente F. Poesía dialectal árabe y romance en Alandalús. Madrid, 1997.

Elwert W. Th. L'emploi de langues étrangères comme procédé stylistique // Revue de littérature compare. 1960. T. 34. № 3. P. 409–437.

Heger K. Die bisher veröffentlichten Harġas und ihre Deutungen. Tübingen, 1960.

Hitchcock R. The Kharjas: A Critical Bibliography. London, 1977.

Hitchcock R., López-Morillas C. The Kharjas: A Critical Bibliography. Supplement No. 1. London, 1996.

Ibn Bassām. Kitāb az-zahīra fi maḥāsin ahl al-ġazīra. Le Caire, 1942. T. 1, f. 2.

Ibn Sanā' al-Mulk. Dār aṭ-ṭirāz. Damascus, 1949.

Jones A. Romance Kharjas in Andalusian Arabic Muwaššah Poetry. A Palaeographical Analysis. Oxford, 1988.

Krachkovskij I. Ju. Arabskaja kul'tura v Ispanii. M.; L., 1937.

Krachkovskij I. Ju. Polveka ispanskoj arabistiki // *Krachkovskij I. Ju.* Izbr. soch. M.; L., 1958. T. 5.

Kudelin A. B. Arabo-ispanskaja strofika kak «smeshannaja pojetičeskaja sistema»: gipoteza H. Ribery v svete poslednih otkrytij // Tipologija i vzajimosvjazi srednevekovyh literatur Vostoka i Zapada. M., 1974.

Schippers A. Spanish Hebrew Poetry and the Arabic Literary Tradition. Arabic Themes in Hebrew Andalusian Poetry. Leiden; N. Y.; Köln, 1994.

Solà-Solé J. M. Corpus de poesia mozárabe (las *ḥarġas* andalusíes). Barcelona, 1973.

Stern S. M. Les vers finaux en espagnol dans les muwaššaḥs hispano-hébraïques // *Al-Andalus*. 1948. Vol. 13. F. 2. P. 300–346.

Zwartjes O. Love Songs from al-Andalus. History, Structure and Meaning of the *Kharja*. Leiden, 1997.